

Е. К. Сычова

**Учреждение образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»,
научно-исследовательский сектор**

**МАЛАЯ РОДИНА В «ЗОЛОТОЙ БЛЕСНЕ»
ИГОРЯ ШКЛЯРЕВСКОГО**

В статье рассмотрена пространственная модель мира субъекта памяти книги лирической прозы Игоря Шкляревского.

The article deals with the spatial model of the world of the subject of the memory of I. Shklyarevsky's lyrical prose book.

Ключевые слова: русскоязычная литература Беларуси, Игорь Шкляревский, хроно-топ, пространственная модель мира, лирический субъект.

Key word: Russian-language literature of Belarus, Igor Shklyarevsky, chronotope, spatial model of the world, lyrical subject.

Один из хронотопов книги лирической прозы И. Шкляревского «Золотая блесна» – «Воспоминания: малая родина – Могилев» включает субъект памяти как проявление лирического субъекта [1, с. 37–38]. Своеобразными маркерами перехода к данному хронотопу выступают: солнечный свет или

его отсутствие (солнце блестело; довольно пасмурной погоды), вода (волнение и зеркало воды преобразует колебания; смотрел на воду и мечтал о прошлом), запах (навеванное запахом дождя), звук (стеклянный шаркающий звук; подует ветер, зашумят березы, и начинается...), состояние одиночества (быть одному легко и даже весело, идешь и вспоминаешь...; на безлюдье время замедляется...), пограничное состояние (я засыпаю), указание на воспоминание (а помнишь...; что-то невыразимое прилетает из прошлого). Часто автор обходится без словесно выраженных маркеров, обозначая переход графически: пробелом в тексте.

Малая родина возникает в воспоминаниях в виде образов: 1) зрительных (*На мгновение я засыпаю и вижу бельевую веревку, протянутую над заливом. На ней висят рубахи брата и моя, заштопанные на локтях, висит наш могилевский двор*), при этом происходит совмещение двух пространств – залива (хронотоп «Рыбная ловля на северной реке», позиционный «я»-субъект) и могилевского двора (хронотоп «Воспоминания: малая родина – Могилев», субъект памяти) (см. об этом также [2]); 2) звуковых (*Волнение и зеркало воды преобразует колебания и к вечеру, когда я устаю, во мне играет музыка, я слышу голоса детдомовского хора на улице Селянской в Могилеве*); 3) обонятельных (*Были только блеск и запах свежести, щемлящий, как воспоминание, оставленное морем на мокром берегу. Я смутно помню этот острый сиротливый запах и отчуждение зеленоватой мглы, когда ныряли в детстве с ледореза...*); 4) сочетания зрительных, звуковых и обонятельных (*Еще я вспомнил, как сдавило горло – невыразимое, навеванное запахом дождя. В темном сквере перед кинотеатром «Родина» над нами шумели березы. Что-то еще там было, какой-то призрак прошлого с античными колоннами, как отражение домов, которых нет...*).

Достаточно сложно организовано пространство рассматриваемого хронотопа. Важную роль здесь играют топонимы: 1) ойконим (*Могилев*), 2) гидронимы (*Днепр, речка Дубровенка*); 3) урбанонимы (*улица Селянская, Пожарный переулок, кинотеатр «Родина», сквер перед кинотеатром «Родина»*), – а также номинации городских реалий (*овражный переулок, городская круча, лестница, деревянный мост, подвесная дорога с вагонетками, скверик, вокзал, рыбный магазин, базар, сараи, развалины, помойки и т.п.*).

Пространственная модель мира субъекта памяти включает *дом, двор, город, реку* (см. таблицу). Ю. Лотман писал о том, что мир разбивается человеком на внутреннее и внешнее пространство [3, с. 175]. Дом, разумеется, для любого человека является освоенным, «своим», пространством, личной зоной. Затем следуют менее освоенные двор, город (пространство расширяется), а далее река, которая, если рассуждать логически, должна быть освоена еще меньше.

Языковая репрезентация пространственной модели мира субъекта памяти

		Дом	Двор	Город	Река
Внешнее пространство	Природные явления	Солнце	Солнце Туча Больше неба	–	Зеркало Днепра (перевернутые египетские пирамиды) Хрусталик девственной влаги Облака Туча Дождевая вода
		Потоки свежести			
	Растения	–	Огромный тополь Серебристый тополь	Березы в сквере	Плакучие ивы Ива Одуванчики Запах скошенного клевера Боровики
		Топольный пух			
	Животные	Мотыльки Воробей		–	Бабочка Стрижи Голавли Плотва Уклейки Чехонь Бычки
	Цвет и свет	Два окна, светящиеся в темноте Золотистый свет (солнца)	–	Полутемные могилевские улицы Темные улицы обугленного Могилева Темная улица Темный сквер Синий вечер в Могилеве	Нарядная плотва Алые жабры уклек Лиловые и серые бычки Серебристая чешушка чехони Такие тонкие переливались краски Зелено-синие и желто-фиолетовые Золотые темные круги Зеленоватая мгла
Материальное состояние	Аскетичная бедность отца и матери Бедность	–	Развалины, сарай, помойки Развалины и помойки Помойки и развалины	–	
Внутреннее пространство	Духовный мир	Книги (мир героев)	(мир обитателей двора)	Библиотека	Облака, легенды, мифы
	Чувства	Счастливые вечера Счастье	–	–	Счастливые мгновения Счастливые глаза Зелено-синее счастье Радостно Радость Изумление
	Оценка	Старые тарелки Старая кровать Подкрашенная рухлядь Старый темно-вишневый шкаф (пустой) Лампочка без абажура Очки, обмотанные ниткой	–	Жалкие сараи и обгорелые развалины Мусор возле киоска Вонючий рыбный магазин	Рай

Однако на самом деле в тексте «Золотой блесны» все не так однозначно. Реалии **дома** и **города** соотносимы по оценке (отрицательной), выраженной коннотативным значением прилагательных и существительных: *старый* – бывший в употреблении, поношенный, подержанный; противоп. *новый*; *развалины* – остатки разрушившейся или разрушенной постройки, группы построек и т.п. Субъект памяти преодолевает пространство города бегом: *я убежал из дома на реку; пока бегу домой, бежал по темной улице к Днепру*, – то есть оно остается до конца не освоенным и в чем-то враждебным.

При этом пространство **дома**, несмотря на признаки нищеты, манит и дает ощущение счастья и радости подобно пространству **реки**. *И такая бедность там улыбается, не жалуясь и не завидуя, столько счастливых вечеров под лампочкой без абажура...; На правом берегу чернели обгорелые развалины, сараи и помойки, а левый берег был в плачущих ивах, в одуванчиках, и я бежал туда, где было радостно. Это ощущение рождается на основе цветового контраста темных, обугленных улиц города и нарядного, разноцветного мира реки: В глазах текла река. Я засыпал и всхлипывал от изумления, такие тонкие переливались краски и моментально исчезали, но огорчение опаздывало, так быстро возникали новые, зелено-синие и желто-фиолетовые, там был еще какой-то цвет, несуществующий в учебнике по физике. И это был мой рай на берегу развалин и помоек.*

Пространство **двора** – это маленький фрагмент природы, который сближается с пространством **реки**, здесь мы наблюдаем растения (*тополь*), природные явления (*солнце, туча, небо*), животных (*мотылек, воробей*), причем **двор** не изолирован от **дома**: переходом является открытое окно, через которое в дом проникают *тополиный пух, потоки свежести*, залетают *мотылек и воробей*. Освоение пространства происходит по траектории дом – двор – река, город становится некой помехой на пути к реке.

Несколько иная картина складывается в пространстве духовного мира: мир героев книг контрастирует с миром обитателей двора: *Устроившись в углу дивана, я читаю великую книгу Дюма и слышу двор. / – Вашу руку, милорд. Обопртесь о мое плечо. / – Ма, дай пожрать. / – Не лезь руками в борщ...*

В то же время в **городе** есть библиотека, где собраны книги – множество новых миров. Но мир **реки** в этом смысле оказывается еще богаче: *Четырнадцатилетний рыбовод, я не читал о том, что дух летал над водами. Вокруг меня клубились облака, легенды, мифы, я их не знал, но не любил людей.* Вырисовывается иная траектория освоения пространства: дом – город – река. Помехой оказываются люди – обитатели двора.

И если **дом** наполнен родными людьми (*отец, мать, брат*), а пространство **реки** заселено растениями, животными, то пространство **города**

остается без обитателей, город пуст, появляются лишь отдельные персонажи, дорогие субъекту памяти (*девочка, Елена*).

Следовательно, Могилев для субъекта памяти – это не столько **город**, сколько **дом**, а **река** Днепр является центром пространства в рассматриваемом хронотопе, частью личной зоны субъекта памяти, освоенного даже в большей степени, чем **дом**.

Литература

1. Ревзина, О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : дисс. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Г. Ревзина. – М., 1998. – 86 с.

2. Сычова, Е. К. Поэтические миры И. Шкляревского / Е. К. Сычова // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы Міжнар. навук. канф., 26-27 красавіка 2006 г. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – С. 171–174.

3. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.